

Проверено 1961 г. 762

М. Я. ПЕРГАМЕНТЪ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.
e

ЮБИЛЕЙ

ЖЕНЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(1559—1909).

СЛЮГУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

49712 кад. ист. пр.

ПРОСВЕЩЕНІЕ
50004

М. В. ДЕПАРТАМЕНТЪ

ЮРИДИЧЕН

ЖЕНЕВОКАТО УНИВЕРСИТЕТА

(1553-1803)

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1910 годъ.

СПЛОДЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
1910

Истекшее лѣто ознаменовалось двумя крупными университетскими юбилеями. Лейпцигскій университетъ отпраздновалъ пятисотлѣтіе своего существованія, а за нѣсколько недѣль до того Женева—350-лѣтіе со времени основанія своей „Schola Genevensis“.

Женевскія празднества, происходившія въ началѣ іюля новаго стиля, относятся, впрочемъ, только въ извѣстной своей части къ юбилею *университета*. Они были задуманы значительно шире. Дѣло шло о юбилеѣ *Кальвина*, его церкви и школы, подъ каковою школою разумѣлись 1) его Collège и 2) его же Académie, преобразованная уже сравнительно недавно въ университетъ. Пятидесяти лѣтъ отъ роду Кальвинъ основалъ эту „школу“: такимъ образомъ, 400-лѣтіе его рожденія (онъ родился 10-го іюля 1509 года) совпало или почти совпало съ 350-лѣтіемъ академіи (ея открытіе совершилось въ 1559 г., 5-го іюня). Ни та часть празднествъ, которая имѣла своимъ предметомъ церковь Кальвина, ни другая ихъ часть, посвященная чествованію Женевского Collège, не будетъ, однако, подлежать моему разсмотрѣнію; я ограничусь торжествами чисто университетскими. Къ началу этихъ торжествъ, продолжавшихся отъ 7-го іюля (н. ст.) по 10-ое включительно, тѣ двѣ части уже успѣли совершенно закончиться ¹⁾.

Что, впрочемъ, существуютъ дѣйствительно самыя тѣсныя узы между академіей Кальвина и его же церковью, что религіозная и учебная стороны творчества великаго реформатора между собою связаны самымъ глубокимъ, внутреннимъ, а не внѣшнимъ только образомъ,—фактъ, кажется, общезвѣстный и доказательства не требующій. Онъ выясняется съ очевидностью изъ исторіи будущаго Женевского университета и, въ особенности, изъ исторіи его зарожденія. Отмѣчу

¹⁾ Желающихъ ознакомиться и съ ними отсылаю къ изданію „Les jubilés de Genève en 1909“, выпускъ 3, а также 1 (Genève, édition Atar).

кетати, что эта исторія получила въ новѣйшее время свое научное и притомъ на рѣдкость обстоятельное изображеніе въ капитальномъ, основанномъ на первоисточникахъ, трудѣ Женевского профессора Charles Borgeaud, представителя кафедры національной исторіи въ факультетахъ историко-филологическомъ и юридическомъ. Его трудъ—роскошно издаваемый, съ массой фототипій и иллюстрацій—разсчитанъ на три тома, изъ которыхъ успѣли выйти въ свѣтъ два: первый („Histoire de l'Université de Genève. *L'Académie de Calvin*“), обнимающій періодъ отъ 1559 до 1798 года (онъ появился въ 1900 году и заключаетъ 680 стр. in-4°)¹⁾ и второй (онъ выпущенъ во время самыхъ празднествъ), носящій заголовокъ: „Histoire... *L'Académie de Calvin dans l'Université de Napoléon. 1798—1814*“ (251 стр. того же формата). Въ недалекомъ будущемъ общанъ и третій, послѣдній, томъ: „... *L'Académie et l'Université au XIX siècle*“.

Равнымъ образомъ достаточно извѣстно, что вторымъ руководящимъ указаніемъ для Кальвина послужила идея единства самой школы. Другими словами, имъ установлена, кромѣ связи между школой и церковью, еще связь между школой высшей и средней, между академіей и коллежемъ. Сейчасъ названный мною Borgeaud основательно замѣчаетъ, что одна изъ важнѣйшихъ причинъ того упадка университетовъ въ Европѣ, который наблюдается до Эразмовой проповѣди о реформѣ высшей школы, это—низкій уровень знаній учащихся при поступленіи въ университетъ. Уровень мѣстами былъ до того жалокъ, что граничилъ съ полнымъ почти отсутствіемъ всякаго подготовительнаго образованія. Въ видахъ чисто денежныхъ, въ университетъ, на правахъ студентовъ, допускались почти-что дѣти, очевидно, неспособныя усвоить академическое преподаваніе. Чтобы преобразовать высшую школу, требовалось, слѣдовательно, обратиться прежде всего къ школѣ низшей и средней, нужно было заняться созданіемъ здѣсь надлежащихъ условій обученія. Въ числѣ первыхъ это созналъ Кальвинъ, и результатомъ подобнаго сознанія явилось учрежденіе, наряду съ академіей, и коллежа, въ которомъ воспитанниковъ стали обучать предметамъ послѣдовательно и методически, гдѣ они стали переводиться изъ класса въ классъ, вплоть до превращенія своего, въ концѣ седьмого года, въ свободныхъ студентовъ. Немаловажно, что въ те-

¹⁾ Небольшимъ извлеченіемъ изъ части этого перваго тома является книжка того же Borgeaud „Schola Genevensis. 1559. Pages d'histoire universitaire réunies à l'occasion du jubilé“ (1908 и 1909 гг.).

ченіе всего семидлѣтнаго періода ученики находились и подь контролем академіи и ея личнаго состава, т. е., иначе, находились подь контролем своихъ будущихъ профессоровъ. Связь между среднею и вышею школою Кальвина ясна отсюда безъ дальнѣйшаго.

Но этого недостаточно. Если выражаться вполне правильно и точно, то, быть можетъ, и вообще не слѣдуетъ говорить объ академіи и о коллежѣ, какъ о *двухъ* учебныхъ заведеніяхъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что Кальвинова „Schola Genevensis“ — единое учрежденіе, только распадающееся на два отдѣленія, низшее и высшее. Низшее отдѣленіе именуется schola privata или gymnasium, высшее зовется schola publica. Во главѣ schola privata стоитъ такъ называемый ludimagister, который подчиненъ ректору, начальнику высшаго отдѣленія, но, въ то же время, и всего учебнаго заведенія, какъ одного цѣлаго. Для этого цѣлаго на первыхъ порахъ употребляются довольно безразлично оба термина — и „académie“ и „collège“. Лишь позже, уже послѣ смерти Кальвина, такая тѣсная связь между вышею школою и среднею начинаетъ ослабляться, и тогда, соотвѣтственно, происходитъ и дифференціація наименованій: французскій терминъ „коллежъ“ укрѣпляется за schola privata, латинскій „академія“ — за schola publica. Однако еще вплоть до 19-го столѣтія профессора высшаго отдѣленія, такъ называемые publici professores, принимаютъ участіе и въ управленіи отдѣленіемъ низшимъ ¹⁾.

Официальная часть университетскаго праздника сводится, собственно, къ двумъ засѣданіямъ.

Утромъ 8-го іюля въ зданіи университета собрались делегаты высшихъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, а равно профессора и студенты Женевскаго университета. Отсюда всѣ направилась въ соборъ св. Петра. Порядокъ шествія делегацій опредѣлялся алфавитомъ: впереди всѣхъ шла Германія (Allemagne), за нею слѣдовали Соединенные Штаты Сѣверной Америки, за ними Аргентинская республика, Австрія съ Венгріей, Бельгія, Бразилія, Данія, Египеть, и такъ далѣе. Въ предѣлахъ каждой страны первое мѣсто занимали представители столичнаго учрежденія — академіи наукъ, университета и т. п., остальные размѣщались, въ большинствѣ случаевъ, опять-таки въ порядкѣ алфавитномъ. Замыкалась процессія многочисленными

¹⁾ Ср. Pages d'histoire universitaire, стр. 19 и сл., 32 и сл.

депутациями со всѣхъ концовъ Швейцаріи. Позади прочихъ шли преподаватели чествуемаго университета.

Всѣхъ делегатовъ было около 220 человекъ.

Изъ Россіи представлены были: академія наукъ, С.-Петербургскій университетъ, геологическій комитетъ, горный институтъ, военно-медицинская академія, С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы; затѣмъ, Московскій университетъ и Московскіе высшіе женскіе курсы; изъ провинціальныхъ университетовъ—Юрьевскій и Томскій.

Въ древнемъ готическомъ соборѣ св. Петра, въ которомъ Кальвинъ произносилъ свои суровыя проповѣди, куда, въ теченіе вѣковъ, прежніе граждане республики созывались для избранія должностныхъ лицъ, гдѣ за 350 лѣтъ передъ тѣмъ совершилось и торжество самаго открытія академіи,—въ этомъ историческомъ храмѣ протекла первая „séance solennelle“. Она ознаменовалась рѣчами гг. Розье, главы вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Женевскомъ кантонѣ, Шода (Chodat), ректора Женевского университета, и, далѣе, президента швейцарской республики, старика Адольфа Дейхера (говорившаго по нѣмецки), а затѣмъ принесеніемъ поздравленій прибывшими делегатами. Изъ рѣчей первая заключала, между прочимъ, и любопытныя данныя о прошломъ Женевского университета. Въ особенности, интересенъ его быстрый ростъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, со времени празднованія предыдущаго, трехсотлѣтняго, юбилея. Число студентовъ, которое когда-то, во времена перваго ректора академіи, знаменитаго Théodore de Bèze, доходило уже до 300 и болѣе человекъ, выражалось въ 1859 году лишь въ скромной цифрѣ 150. А въ настоящее время студентовъ не менѣе, чѣмъ полторы тысячи, если даже не считать вольнослушателей (которыхъ 300—400 человекъ). Преподавательскій составъ точно также сильно возросъ: вмѣсто тогдашнихъ 26 профессоровъ (при учрежденіи академіи ихъ было всего пять, уже со включеніемъ сюда и Беза и самого Кальвина), ихъ нынѣ 69. Немало измѣнилась за это время и расширилась Женевская alma mater и въ рядѣ другихъ отношеній. До 1872 года, кромѣ факультетовъ богословскаго и юридическаго, имѣлся еще только одинъ факультетъ, *faculté des sciences et des lettres*. Въ указанномъ году каждое изъ двухъ отдѣленій этого факультета преобразовалось въ самостоятельный факультетъ—факультетъ физико-математическій (*faculté des sciences*) и факультетъ историко-филологическій и социальныхъ наукъ (*faculté des lettres et des sciences sociales*). Въ слѣдующемъ, 1873-мъ, году законъ учреждаетъ еще одинъ факультетъ, медицинскій, а вмѣстѣ съ

тѣмъ переименовываетъ академію въ университетъ. Въ 1886 году университету дается новая организація, покоящаяся на началахъ послѣдовательно проведенной автономіи ¹⁾.

Что касается делегатовъ (къ нимъ я отношу и одну делегатку отъ женскаго колледжа—Girton College—въ Кембриджѣ; ея появленіе привѣтствовалось особенно дружно), то въ виду ихъ обилія, съ одной, и недостатка времени, съ другой стороны, предположено было, что отъ имени каждаго государства произнесетъ поздравительное слово лишь одинъ ораторъ, прочіе же удовольствуются молчаливымъ пожатіемъ руки ректору и врученіемъ ему адреса, если таковой имѣется. Даже высказывалась надежда, что будутъ говорить только представители большихъ государствъ, великихъ державъ и т. п. На самомъ дѣлѣ рѣчи произнесли представители всѣхъ или почти всѣхъ странъ, приславшихъ депутаціи, при чемъ отъ каждой страны выступило не по одному, а по два, три оратора, временами по пяти и болѣе. Такъ, делегатъ отъ нѣмецкаго университета въ Галле (именуемаго точнѣе Галле-Виттенбергскимъ университетомъ) не упустилъ случая отдѣльно привѣтствовать „университетъ Кальвина“ отъ имени „университета Лютера“, а ректоръ католическаго университета въ Мюнстерѣ (въ Вестфалии) не отказалъ себѣ въ удовольствіи сообщить, что Мюнстеръ, „нѣкогда сѣверный Римъ“, обращаясь къ Женевѣ, „нѣкогда протестантскому Риму“, восклицаетъ: *post inimicitias pax, post tenebras lux!* (послѣднія три слова—девизъ Женевы, входящій въ ея гербъ). Такъ, другой делегатъ, отъ Страсбурга, счелъ своимъ долгомъ упомянуть объ отношеніяхъ Кальвина къ Іоганну Штурму, основателю „гимназіи“ (имѣвшей одно время преподавателемъ и Кальвина, ставшей впослѣдствіи академіею, а еще позже университетомъ) въ Эльзасѣ и автору извѣстнаго трактата „*De literarum ludis recte aperientis*“, каковой трактатъ содержитъ планъ организаціи Страсбургской школы и, безъ сомнѣнія, повліялъ весьма сильно на учебный проектъ и самого Кальвина. Болѣе другихъ дисциплинированными оказались англичане, которые лучше другихъ соблюли намѣченныя условія. Отъ имени всей Германіи выступилъ, въ ректорскомъ облаченіи, извѣстный философъ Виндельбандъ, преемникъ Куно Фишера, ректоръ (номинально проректоръ) Гейдельбергскаго университета. Онъ обратилъ вниманіе на то единеніе религіознаго и политическаго принциповъ,

¹⁾ Объ этой организаціи, въ ея основныхъ чертахъ, см. изданіе „*Minerva*“, т. II (189^{2/3}), стр. 244 и сл.

которое проникает дѣятельность Кальвина, и напомнилъ, что именно въ Женевѣ, благодаря Кальвину и еще другому „гражданину Женевы“, Ж. Ж. Руссо, было положено начало либерализму современнаго міра. Отъ имени французовъ говорили, по порученію своихъ товарищей, ориенталистъ академикъ Кордье и извѣстный политико-экономъ Парижскаго университета Шарль Жидъ. Послѣдній подчеркнул тотъ международный характеръ, который былъ сообщенъ Женевской школѣ, отъ самаго ея основанія, Кальвиномъ и Безомъ,—характеръ, оставшійся за нею и понынѣ, къ вящей ея славы и пользы. Отъ ученыхъ учреждений и высшихъ учебныхъ заведеній Россіи принесъ поздравленіе, по просьбѣ русскихъ делегатовъ, академикъ А. С. Лаппо-Данилевскій. Его рѣчь, содержательная и изящная, заключала обзоръ тѣхъ благодѣтельныхъ вліяній, какимъ Россія, на пространствѣ своей исторіи, подвергалась со стороны Женевы: въ рѣчи указывалось, прямо или косвенно, на Кальвина, на Франца Лефорта и Лагарпа, на Бурламаки и Руссо.

Второе, оно же послѣднее, официальное собраніе состоялось на слѣдующій день, но уже не въ кафедральномъ соборѣ, а въ такъ называемомъ Victoria Hall, обширнѣйшемъ (и, будто бы, красивѣйшемъ въ Европѣ) концертномъ залѣ. Никакого шествія, торжественнаго и живописнаго, при звонѣ колоколовъ, въ сопровожденіи студентовъ, съ ихъ знаменами, костюмами, лентами, съ ихъ наполненными цвѣтами рогами изобилія, какъ то было наканунѣ,—на этотъ разъ, весьма естественно, устроено не было. Когда къ десяти часамъ утра приглашенная публика оказалась налицо и заняла свои мѣста, ректоръ Шода открылъ засѣданіе привѣтственнымъ обращеніемъ къ делегатамъ, послѣ чего предоставилъ слово уже знакомому намъ историку университета, профессору Vorgeaud.

Изъ его рѣчи ¹⁾, затронувшей различные предметы, заслуживаетъ преимущественнаго вниманія то мѣсто, которое относится къ праву и наукѣ права.

Какова доля участія въ общей работѣ на пользу Женевскаго университета, принадлежащая представителямъ наукъ богословскихъ, историческихъ и словесныхъ, математическихъ и естественныхъ,—это, говоритъ Боржд, можетъ считаться уже болѣе или менѣе окончательно выясненнымъ. Напротивъ того, роль юристовъ и ихъ заслуги въ томъ же дѣлѣ освѣщались до настоящаго времени еще весьма не-

¹⁾ Она напечатана въ „Journal de Genève“ отъ 13-го іюля (№ 189).

достаточно. А между тѣмъ не иному кому какъ именно юристамъ и, въ особенности, тѣмъ изъ нихъ, которые работали въ области публичнаго права, Женевская академія обязана, главнѣйшимъ образомъ, своимъ огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ въ Европѣ и даже внѣ ея.

Въ дальнѣйшемъ Борждъ старается восполнить указанный пробѣлъ.

Въ XVI вѣкѣ, заявляетъ онъ, величайшіе юристы французской, такъ называемой изящной, школы преподають въ Женевѣ—Донелль, Готманъ, Готофредъ старшій. Это—гугеноты, бѣжавшіе изъ Франціи послѣ Варооломеевской ночи. „Негодование, испытываемое по адресу короля, обманушаго довѣріе своего народа, диктуетъ въ одно и то же время и Готману, и Теодору Безу (юристу и основателю каедръ юридическихъ наукъ въ Женевѣ) первые трактаты государственнаго права, въ которыхъ встрѣчается доктрина о суверенитетѣ народа“. Десять лѣтъ спустя, въ 1583 году, тотъ же Діонисій Готофредъ печатаетъ впервые въ Женевѣ *Corpus Iuris*, съ его извѣстными четырьмя частями, которому суждено выдержать, въ теченіе двухъ столѣтій, свыше пятидесяти изданій. Въ XVII вѣкѣ (вѣкѣ въ общемъ безотрадномъ для протестантскихъ университетовъ) въ Женевѣ подвизается знаменитѣйшій юристъ своего времени—Готофредъ младшій, Jacques Godefroy, достойнѣйшій сынъ достойнаго отца. По происхожденію женевецъ, онъ преподаватель Женевской академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ правительства республики. Самыя лестныя и почетныя приглашенія князей и университетовъ не способны соблазнить его и побудить покинуть родной городъ. Въ XVIII-мъ, затѣмъ, столѣтіи юридическій факультетъ, которому, кстаи сказать, пришлось претерпѣть немало горя отъ недоброжелательства богословскихъ круговъ и организацій, озаряется новымъ блескомъ. Бюрламаки, одинъ изъ учениковъ Барбейрака и послѣдователь Гуго Гроція и Пуфендорфа, возвращаетъ Женевской юридической школѣ первенствующее мѣсто въ области политическихъ наукъ. Бюрламаки—могучій популяризаторъ началъ естественнаго права. Его лекціи, читанныя на французскомъ языкѣ, привлекають многочисленную аудиторію, и Женева становится, благодаря ему, важнѣйшимъ, а въ предѣлахъ странъ французской культуры даже единственнымъ университетскимъ центромъ школы естественнаго права. Отсюда понятна роль Женевы, какъ колыбели науки публичнаго права XVIII столѣтія—науки, призванной обновиться подъ вліяніемъ философіи и совершить завоеваніе міра. Въ Женевѣ появляется въ свѣтъ „Духъ законовъ“ и „Общественный договоръ“. Лекціи Бюрламаки, изданныя за нѣсколько лѣтъ до возвращенія Ж. Ж. Руссо на ро-

дину, уже заключають, въ отчетливомъ изложеніи, всю теорію правъ чловѣка и гражданина, государственнаго договора и народовластія. Онѣ переводятся на разные языки и, между прочимъ, долгое время служатъ основою для профессорскихъ чтеній въ Кембриджѣ.

И въ сейчасъ истекшемъ XIX вѣкѣ, продолжалъ Боржд, юридическій факультетъ Женевскій наследуетъ традиціи своихъ основателей и остается на высотѣ своего славнаго прошлаго. Его украшаютъ такія имена, какъ Росси и Белло, доказывающія, что факультетъ сохранилъ и свой прежній характеръ *политической* школы. Талантливый итальянецъ (въ то время онъ еще лишь изгнанникъ и гражданинъ города Женевы, а не пэръ Франціи, не посоль и не графъ) объявляетъ въ Женевскомъ университетѣ свой извѣстный курсъ конституціоннаго права, впоследствии читанный въ Парижѣ. Товарищъ и другъ Росси, Белло, работаетъ въ областяхъ гражданскаго права и судопроизводства; его преподаваніе этихъ предметовъ обращаетъ на себя вниманіе и за границей, имѣетъ крупное вліяніе и за предѣлами Женевы и Швейцаріи. Оба, Росси и Белло, въ сотрудничествѣ еще съ Сисмонди и Этьеномъ Дюмонъ, приступаютъ въ 1820 году къ изданію отличнаго сборника „*Annales de législation et d'économie politique*“, немало способствовавшаго популяризаціи какъ нѣмецкой науки, въ особенности же ученія исторической школы и трудовъ Нибура, Савиньи и друг., такъ и судебныхъ учреждений Англій, и, наконецъ, законодательства остальныхъ странъ, до Россіи включительно. Этотъ же сборникъ открываетъ нашимъ Женевскимъ юристамъ путь къ распространенію и собственныхъ воззрѣній и теорій: здѣсь появляется трактатъ Росси о представительномъ образѣ правленія; здѣсь начинается печатаніемъ книга Сисмонди „О князѣ въ свободныхъ странахъ“; здѣсь же Белло излагаетъ свои взгляды на правомочіе гражданской власти опредѣлять формы и условія заключенія брака. „Къ несчастью, все это очень большіе вопросы, а между тѣмъ ихъ обсужденіе происходитъ въ очень маленькомъ государствѣ“, не безъ остроумія замѣчаетъ Боржд. О сборникѣ доносятъ Меттерниху, и къ концу 1822 года сборникъ уже прекращаетъ свое существованіе. Однако обязательно прибавить, что ударъ былъ нанесенъ издадека, и что не кантональное правительство его наносило. А потому Женевскій факультетъ успѣлъ все же спасти свои лекціонные курсы, успѣлъ и впредь изъяснять устно то, что было запрещено изъяснять печатно. Онъ, стало быть, оказался счастливѣе, чѣмъ юридическіе факультеты другихъ университетовъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, университета

Парижскаго. Вотъ въ чемъ заключается ключъ къ тому явленію, что Женевскій юридическій факультетъ вновь становится чѣмъ-то въ родѣ убѣжища: во времена Бурламаки онъ былъ цитаделью естественнаго права въ латинскомъ мірѣ, въ періодъ владычества священнаго союза онъ оплотъ либерализма въ высшей школѣ и на каеедрѣ...

Заключительная часть даннаго засѣданія была удѣлена оглашенію списка лицъ, награжденныхъ, по случаю юбилея университета, ученой степенью доктора honoris causa. Каждый изъ декановъ называлъ рядъ именъ, удостоившихся почетнаго академическаго званія. Изъ пяти списковъ только въ двухъ нашлись также имена русскихъ ученыхъ: физико-математическій факультетъ вспомнилъ о Ѳ. Н. Чернышевѣ и К. А. Тимирязевѣ, а медицинскій—объ И. П. Павловѣ (изъ нихъ первый былъ делегатомъ, а два послѣдніе значились въ спискѣ „приглашенныхъ“ на юбилей, на каковой они, впрочемъ, не прибыли).

Неофициальная часть юбилейныхъ празднествъ состояла изъ богослуженія, по приглашенію и при участіи богословскаго факультета,—далѣе, изъ банкетовъ, прогулокъ по озеру и иллюминацій, приѣмовъ и угощеній какъ должностными, такъ и частными лицами,—напримѣръ, гг. Де-Кандоль и Соссюръ (гостепрѣимство было вообще проявлено широко), наконецъ, изъ историческаго кортежа и увѣнчавшаго торжества грандіознаго студенческаго коммерша. Рѣчей, по всѣмъ или почти всѣмъ этимъ поводамъ, разумѣется, произносилось немало. Изъ нихъ мнѣ хотѣлось бы отмѣтить одну: прекрасную рѣчь Comtesse'a (онъ вице-президентъ союзнаго совѣта и, слѣдовательно, товарищъ Дейхера) на обѣдѣ, данномъ Женевскимъ правительствомъ въ честь своихъ гостей. Comtesse справедливо возражалъ противъ мнѣнія, будто демократическія государства должны считаться средою неблагопріятною для высшаго образованія—неблагопріятною на томъ, молъ, основаніи, что высшая культура—удѣлъ сравнительно немногочисленныхъ привилегированныхъ людей. Предубѣжденіе противъ высшаго образованія, доказывалъ ораторъ, встрѣчается только въ незрѣлыхъ демократіяхъ, переживающихъ періодъ младенчества. Къ демократіямъ зрѣлымъ это относиться не можетъ. И лучшее тому доказательство—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ въ настоящее время насчитывается цѣлый рядъ богатыхъ разсадниковъ высшаго знанія. Другой убѣдительный примѣръ—это маленькая Швейцарія. Она въ обладаніи уже семью университетами,—вмѣсто прежнихъ шести: какъ

разъ теперь академія въ Невшателѣ, въ свою очередь, преобразована въ университетъ. Далѣе, Comtesse обращалъ вниманіе на постепенное осложненіе задачъ Женевскаго университета, въ зависимости, главнѣйшимъ образомъ, отъ наблюдаемаго въ послѣдніе годы усиленнаго наплыва иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Женеву учиться. Однако, ораторъ далекъ отъ какого либо узкаго, отрицательнаго, націоналистическаго отношенія къ вопросу. Напротивъ того, онъ привѣтствуетъ учащихся изъ чужихъ краевъ: это дорогіе товарищи по работѣ, они вносятъ цѣнный элементъ соревнованія въ область научнаго труда. Истинный патриотъ, разсуждаетъ Comtesse, можетъ только радоваться ихъ присутствію. Ибо любить свое отечество, очевидно, не значитъ ненавидѣть другіе народы. Любить свой народъ, это значитъ: въ благородномъ соперничествѣ съ другими народами стремиться къ благамъ высшей культуры. Я поднимаю стаканъ—такъ закончилъ Comtesse при горячихъ рукоплесканіяхъ многочисленнаго собранія—за науку, наше всеобщее отечество, „la patrie universelle“...

Происходили и болѣе скромныя торжества, чѣмъ то, на которомъ была сказана сейчасъ приведенная рѣчь. Такъ, юридическій факультетъ—правда, кажется, единственный—пригласилъ делегатовъ-юристовъ на особый завтракъ, состоявшійся въ очень симпатичной обстановкѣ, за городомъ, въ Champel'ѣ (томъ самомъ Champel'ѣ, гдѣ былъ сожженъ на кострѣ Михаилъ Серветъ и гдѣ нынѣ, на мѣстѣ казни, сооруженъ „искусительный памятникъ“). Цѣлямъ болѣе тѣснаго общенія прибывшихъ на юбилей между собою и съ Женевскими товарищами этотъ завтракъ послужилъ какъ нельзя лучше. Здѣсь, дѣйствительно, удалось завязать болѣе близкія знакомства, обмѣняться болѣе обстоятельно мнѣніями и впечатлѣніями, побесѣдовать на научныя темы. Для пишущаго эти строки именно данное собраніе было едва ли не тѣмъ, которое связано съ наиболѣе интересными воспоминаніями. Съ удовольствіемъ вспоминаю, напримѣръ, о безыскусственномъ, искреннемъ и разумномъ словѣ, произнесенномъ здѣсь Павломъ Лабандомъ. Онъ говорилъ о томъ, что право Швейцарія чрезвычайно поучительно, что въ частности онъ, Лабандъ, весьма много обязанъ занятіямъ именно швейцарскимъ правомъ, и притомъ во всѣ періоды своей научной дѣятельности: и тогда, когда онъ работалъ надъ исторіей германскаго права и его источниковъ, и позже, когда перешелъ къ изслѣдованію вопросовъ частноправныхъ, и, наконецъ, въ послѣдній періодъ, когда отдалъ свои силы праву публичному, государственному.

Своего рода „гвоздемъ“ университетскихъ празднествъ въ Женевѣ былъ прекрасно задуманный и тщательно выполненный, стоившій огромныхъ трудовъ и матеріальныхъ затратъ, историческій кортежъ. Несмотря на проливной дождь, не прекращавшійся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ (погода, замѣчу кстати, была и вообще, во все время юбилейныхъ торжествъ, крайне пасмурная и ненастная: „le temps“, говорили въ шутку, „est de l'humeur de Calvin“), кортежъ можно все же признать безусловно удавшимся. Предъ зрителями воскресала Женева XV и послѣдующихъ вѣковъ; одна за другою, проходили группы, одинаково занимательныя съ точекъ зрѣнія художественнаго замысла и исторической правды, соотвѣтствія одеждѣ, оружію, знаменамъ и всему прочему данной эпохи. Изъ нѣсколькихъ частей кортежа одна была посвящена специально праву. Сюда вошли крайне любопытные для историка культуры и просвѣщенія, но, какъ извѣстно, далеко не безупречные *scholastici vagantes*, вошли, далѣе, судьи и прочій судебный персоналъ; здѣсь же фигурировали и аллегорическая колесница „Правовѣдѣнія“, и даже палачъ. Но особенно назидателенъ въ этой части историческаго шествія былъ длиннѣйшій рядъ иностранныхъ студентовъ, начиная нѣмцами и датчанами и кончая венграми и поляками. Онъ служилъ яркой иллюстраціей того „международнаго“ характера Женевской академіи, о которомъ уже была рѣчь, и самымъ нагляднымъ образомъ свидѣтельствовалъ о выдающемся положеніи школы скромной республики уже въ относительно далекія отъ насъ времена. Среди дефилировавшихъ въ кортежѣ нѣмцевъ усиленное вниманіе обращало на себя многочисленные представители германскихъ владѣтельныхъ домовъ. Ихъ можно было насчитать 35 человекъ, всѣ княжескаго рода. То были предки современныхъ Гогенцоллерновъ—маркграфы Бранденбургскіе, герцоги Пруссіе; затѣмъ, герцоги Баварскіе, курфюрсты и пфальцграфы Рейнскіе, герцоги Вюртембергскіе, Саксонскіе, Шлезвиг-Голштинскіе, Ангальтскіе, маркграфы Баденскіе, ландграфы Гессенскіе, и т. д. и т. д. На пространствѣ XVII вѣка и, въ особенности, въ теченіе второй его половины, вплоть до начала слѣдующаго, XVIII-го, столѣтія эти нѣмецкіе князья, одни за другими, пріѣзжали въ Женеву и поступали въ академію, внося притомъ свои имена въ „Книгу ректора“ (она опубликована въ 1860 году), въ знакъ не только подчиненія уставу академіи, но и принятія вѣроученія Кальвина. „Subscripsimus praecedentibus Genevensis Academiae legibus ac nominatim Genevensis Ecclesiae confessioni“—такъ гласила красовавшаяся во главѣ „Книги ректора“ формула тор-

жественнаго общанія, которое подписывалось большинством студентов Женевской академіи того времени.

Какъ полагается въ подобныхъ случаяхъ, насъ, делегатовъ, почтили и „дарами“. „На память о юбилеѣ 1559-1909 — Женевскій университетъ своимъ гостямъ“, пояснила надпись на врученной намъ изящной дощечкѣ небольшихъ размѣровъ изъ бронзы, съ виньеткой аллегорическаго содержанія. Впрочемъ, центръ тяжести лежалъ, естественно, въ подношеніяхъ другого рода — книжнаго. Сюда относятся уже упомянутые мною труды Боржэ: его „Исторія Женевскаго университета“, томъ 2-ой, и „Страницы изъ исторіи Женевскаго университета“; затѣмъ, цѣлая серія изслѣдованій, изданныхъ по поводу 350-лѣтія отъ основанія академіи, заботами специальной комиссіи. Изъ нихъ я назову только нѣсколько. Это издававшіяся юристамъ монографіи профессоровъ юридическаго факультета въ Женевѣ: А. Martin'a, „Observations sur les pouvoirs attribués au juge par le Code civil suisse“, и Meumann'a, „Observations sur le système du droit privé“. Это, далѣе, произведенія, которыми одарялись историки: Ed. Naville, „Les têtes de pierre déposées dans les tombeaux égyptiens“ и Seitz, „L'historien Niebuhr citoyen de Genève“. Естественникамъ и медикамъ были даны работы Chodat, „Etude... sur le polymorphisme des algues“, и Eternod, „L'oeuf humain...“, а богословамъ — разсужденія Fulliquet, „Le problème de la souffrance“, и Montet, „Le culte des saints musulmans dans l'Afrique du Nord...“¹⁾.

Въ видахъ облегченія пріѣзжимъ знакомства съ городомъ, каждый изъ нихъ получилъ, кромѣ двухъ-трехъ небольшихъ альбомовъ съ видами Женевы, еще прекрасный иллюстрированный путеводитель „Женева нѣкогда и нынѣ“, составленный ученымъ французскимъ богословомъ и біографомъ Кальвина, профессоромъ Doumergue. А для ознакомленія, въ частности, съ бібліотеками, музеями, кабинетами и т. п., для посѣщенія выставокъ, изъ которыхъ инныя были устроены только ad hoc, для цѣлей юбилея, и просуществовали кратковременно, —

¹⁾ Замѣтимъ, что сверхъ этихъ трудовъ, вышедшихъ въ свѣтъ ко дню юбилея, общано было появленіе еще нѣкотораго числа монографій изъ той же серіи. И эти позднѣйшія монографіи, подобно выпущеннымъ раньше, будутъ точно также считаться изданными „по случаю юбилея университета“. Впрочемъ, двѣ изъ нихъ уже успѣли появиться за тотъ промежутокъ времени, который насъ отдѣляетъ отъ момента юбилея: одна историческая работа профессора De Cugue подъ заглавіемъ „L'action politique de Calvin hors de Genève, d'après sa correspondance“ и другая, юридическая, принадлежащая перу романиста Partsch'a „De l'édit sur l'alienatio iudicii mutandi causa facta“.

делегаты получали соответствующіе каталоги и программы. Серьезный интересъ, съ точки зрѣнія исторіи университета, представляла галлерей портретовъ профессоровъ его, начиная старѣйшими, Кальвиномъ, Готманомъ, Юс. Юст. Скалигеромъ, и кончая позднѣйшими, до современниковъ включительно. Къ сожалѣнію, для осмотра всѣхъ достопримѣчательностей города, его научныхъ и другихъ коллекцій, было отведено очень немного времени—всего лишь одно утро. Случилось, вдобавокъ, такъ, что на данное именно, единственное, утро извѣстный химикъ Вильгельмъ Оствальдъ, точно также бывшій на юбилей, назначилъ публичную лекцію на любопытную тему „Биологія изслѣдователя“ („Die Biologie des Forschers“). Какъ и слѣдовало ожидать, эта лекція (которая, отмѣчу мимоходомъ, воспроизводила наиболѣе яркія мѣста и мысли изъ только что передъ тѣмъ опубликованной книги лектора „Grosse Männer“¹⁾) привлекла немало публики, состоявшей однако, по большей части, изъ тѣхъ же делегатовъ, и въ итогъ, слѣдовательно, многіе изъ нихъ и вовсе не удосужились взглянуть на выставки, на мѣстные ученыя учрежденія и т. п.

Заканчивая описаніе Женевскихъ дней лѣтомъ нынѣшняго года, не могу не сказать еще нѣсколько словъ о нашихъ соотечественникахъ, обучающихся въ Женевскомъ университетѣ. Ихъ тамъ много, такъ много, что они составляютъ свыше трети и, быть можетъ, даже только немногимъ меньше половины общаго числа всѣхъ имматрикулированныхъ студентовъ. Среди нихъ огромнѣйшее большинство—это медики, вѣрнѣе, медики и медички, или, еще лучше, медички и медики, ибо первыхъ гораздо больше, чѣмъ вторыхъ. Справедливость—а не пристрастіе—побуждаетъ отмѣтить, что положеніе, занятое нашими русскими слушателями и слушательницами въ Женевѣ, вполне достойное. Отъ профессоровъ и, въ частности, отъ представителей университетской администраціи приходилось слышать прямо лестные отзывы о мѣстной учащейся молодежи изъ русскихъ, увѣренія въ искренней къ ней симпатіи. Въ свою очередь, и эта молодежь питаетъ точно также лучшія чувства къ своей alma mater. Это сказалось и во время университетскихъ празднествъ. Русскіе студенты и студентки принимали живое участіе и въ историческомъ шествіи, и въ томъ коммершѣ, котораго я раньше уже коснулся. Коммершъ сопровождался

¹⁾ Leipzig (Akademische Verlagsgesellschaft) 1909. Стр. IX+424.

своего рода театральнымъ представлениемъ, съ достаточно разнообразной программой. Однако, едва ли не лучшіе „номера“ этой программы принадлежали именно нашимъ соотечественникамъ. Прекрасное пѣніе и не менѣе удачное исполненіе ими своихъ національныхъ танцевъ и превосходная постановка живыхъ картинъ—все это вызывало неподдѣльное одобреніе. Чрезвычайно тепло эта же университетская колонія отнеслась и къ намъ, делегатамъ изъ Россіи. Дважды, во время юбилея, намъ удалось съ нею вступить въ болѣе близкое общеніе—на завтракъ, устроенномъ ею въ честь нашу въ университетскомъ саду, и, потомъ, въ русской студенческой столовой, гдѣ насъ угощали послѣобѣденнымъ чаемъ. Не забуду ни той атмосферы рѣдкой сердечности, которая насъ здѣсь окружала, и заботливаго, прямо трогательнаго вниманія, ни того глубокаго уваженія къ русской высшей школѣ, которое здѣсь довелось наблюдать, къ нашей общей радости.

00078740

ЮФ СПбГУ